

которые боятся собак. Эта повесть не для них. Им не понять человека, в груди которого бьётся сердце, полное любви ко всем собакам на свете: к лохматым городским дворнягам, к мужественным пограничным псам, к смелым караульщикам овечьих стад, к благородным представителям охотничьих пород и даже к бесприютным динго — жителям австралийских степей.

Конечно, если бы имел Уголёк свою собаку, он излил бы любовь на неё одну.

Но не было собаки.

В прошлом году, летом, Уголёк чуть не стал самым счастливым.

Он шёл с мамой в соседний гастроном и у крыльца магазина увидел пса.

Пёс был большой и пегий. Он линял, и шерсть висела клоьями на худых боках. У него была добрая розовая пасть и чудесные коричневые глаза.

— Ох, какой ты... — выдохнул Уголёк. Он медленно поставил на асфальт сумку с банкой для сметаны. Он сел перед псом на корточки.

— Боря! — воскликнула мама и певуче застонала.

Сидя на корточках, Уголёк был ниже собаки. Пёс перестал зевать. Весёлыми глазами он посмотрел на Уголька и, поднимая плывь, заколотил по асфальту тяжёлым хвостом.

— Псина, милая, — сказал Уголёк. Он притянул к себе мохнатую голову с полусияющими ушами и прижал её к плечу. Милая псина облизала Угольку ухо. Сердце Уголька от радости запрыгало, словно крышка на кипящем чайнике.

— О-о, — проговорила мама издалека, потому что боялась собак больше, чем мышей и скарлатины. — О-о... Не прижимай это чудовище.

Чудовище облизало Угольку второе ухо.

Пока сын обдумывал, какой угол в квартире лучше подойдёт для собаки, а мама выбирала место, чтобы упасть в обморок, на крыльце раздалось постукивание. Из магазина вышел человек с седой цветинной на подбородке и деревяшкой вместо левой ноги.

— Балалай, — силло позвал он.

Балалай бросил Уголька, медленно поднялся и описал вокруг хозяина ленивую орбиту. Как большая планета вокруг светила. Светило, что-то бормоча, прятало в кармане зелёное горлышко поллитровки.

Уголёк молчал. Но в его чёрных глазах, наверно, была такая тоска, что человек решил снизить до разговора.

— С тобой Балалай не пойдёт. Н-не пойдёт, — сообщил он, уперев в Уголька мутноватый взор. — Ты собаку с детства... воспитывай с детства. Тогда пойдёт. Пото-